

ФИЛОСОФЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Юбилейные штудии

Нелли Васильевне Мотрошиловой – 80!

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ: ПРОФЕССОР Н.В.МОТРОШИЛОВА В ФИЛОСОФИИ И В ЖИЗНИ

Ю.В. СИНЕОКАЯ

Идеал ренессансного человека нечасто, но находит свое воплощение в каждой эпохе, в разных странах, при любых политических режимах. Одним из наиболее ярких поколений XX в. в нашей стране стало поколение шестидесятников. Их современникам повезло общаться с открытыми, одаренными, энциклопедически образованными людьми, наблюдать зарождение в стране новых идей и смыслов – это ли не настоящее чудо, присутствующее в повседневной жизни и придающее смысл веренице лет?

Нелли Васильевна Мотрошилова – одна из тех, кто сформировал интеллектуальный ландшафт России второй половины XX столетия. Ее вклад в отечественную культуру – это не только 15 монографий, 300 статей, самый востребованный в России сегодня учебник по истории философии¹ и многочисленные переводы классических философских текстов на русский язык². Н.В. Мотрошилова воспитала плеяду талантливых ученых, работающих сегодня как в нашей стране, так и за рубежом. Она подготовила к защите три десятка аспирантов, среди которых Марина Быкова, Андрей Кричевский, Владимир Малахов, Андрей Мельвиль, Игорь Михайлов, Юлия Синеокая и др. Во многом именно благодаря ей русская историко-философская школа сумела в первые постсоветские годы стать востребованной и уважаемой интеллектуалами всего мира. Специалист по истории европейской и отечественной философии, доктор философских наук, профессор Н.В. Мотрошилова в течение 26 лет возглавляла отдел историко-философских исследований Института философии РАН.

Нелли Васильевна – гражданин мира. Свободно ориентируясь в пространстве мировой культуры, она работает на немецком, английском и французском языках. В число ее коллег, друзей и собеседников входят Юрген Хабермас, Поль Рикер, Буркхард Тушлинг, Ханс-Дитер

Кляйн, Ноберт Хинске, Витторио Хесле и многие другие мыслители, по чьим именам узнают и будут узнавать XX столетие.

У Нелли Васильевны есть редкий дар. Эта очаровательная женщина с лучистыми голубыми глазами обладает интеллектуальной харизмой и неизменным чувством стиля. Все, чем бы ни занималась Нелли Васильевна в своей профессиональной жизни, делается ею обстоятельно и по высоким стандартам. Среди опубликованных ею работ нет ни дилетантских, ни конъюнктурных текстов. Приведу авторитетное свидетельство директора Института философии Абдусалама Абдулкери-мовича Гусейнова: «Работам Н.В. Мотрошиловой в высокой степени свойственна типологическая черта (философов-шестидесятников. — Ю. С.), которую я обозначаю как сознание собственной миссии. Она не просто с уважением относится к делу, которое она делает, она понимает и дает понять читателю, что оно есть дело вообще достойное человеческого уважения, что философская истина не нуждается в одобрении со стороны власти или иных прагматических подтверждениях»³.

Миссия Н.В. Мотрошиловой — служение истине. Ей в полной мере присуще мужество ученого, умеющего превратить любые испытания судьбы и физические недуги в залог творчества. Не было случая, чтобы даже больничные дни не были обращены Нелли Васильевной в плодотворное творческое время, итогом которого неизменно является новый исследовательский проект или монография.

Философские интересы Нелли Васильевны масштабны. Ее исследования европейской философии начинаются с Античности, Ренессанса, Нового времени и простираются вплоть до наших дней. Работы Н.В. Мотрошиловой по истории отечественной мысли охватывают период с конца XIX до начала XXI столетий. Ее статьи и монографии, многие из которых переведены на основные европейские, а также китайский и японский языки, отличает свободная философская рефлексия, включающая в себя глубоко личностное отношение к анализируемым феноменам.

Нидерландский философ Эверет Ван дер Цверде, посвятивший изучению творчества Мотрошиловой объемное эссе «*Ideas at Work!*», полагает, что вклад Нелли Васильевны в теорию истории философии заключается, прежде всего, в осмыслении социально-исторических предпосылок изменений философии и выявлении места философов в исторически развивающемся обществе. По мысли Ван дер Цверде, в основе историко-философской концепции Н.В. Мотрошиловой лежат три ключевых принципа: «Первый — это понятие работающей идеи, второй — это то, что сама Мотрошилова называет *личностный принцип*, и третий, это различение трех уровней исторического развития общества: цивилизация, эпоха и *историческая ситуация*»⁴.

Нелли Васильевна родилась на Украине 21 февраля 1934 г. В 1956 г. закончила философский факультет МГУ и в 1959 г. поступила в аспирантуру Института философии Академии наук СССР. Ее кандидатская диссертация «Критика идеалистических теорий активности субъекта (на примере феноменологии Э. Гуссерля) и социологии познания» была защищена в 1963 г. Всего семью годами позже Мотрошилова блестяще защитила докторскую диссертацию «К проблеме социальной обусловленности познания (из истории философии XVII – XVIII вв.)».

Институту философии Нелли Васильевна посвятила всю свою жизнь. На сегодняшний день рабочий стаж Мотрошиловой в Институте составляет 55 лет. Однако исследовательская деятельность никогда не мыслилась ею в отрыве от коммуникации, преподавания. Трансляция и популяризация философского знания, участие в публичных дискуссиях – важнейшая составляющая философской идентификации Н.В. Мотрошиловой. Умение и желание передать свое знание ученикам – один из ярчайших ее талантов. Одновременно с научными исследованиями Н.В. Мотрошилова в 1970 – 1980-х годах читала лекции в МГУ им. М.В. Ломоносова, Московском инженерно-физическом институте (МИФИ) и Институте кинематографии (ВГИК). В 1990 – 2000-х гг. она вела занятия в 3-м Медицинском институте. Сегодня Нелли Васильевна преподает в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН), профессором которого она является с момента основания университета в 1994 г.

Нелли Васильевна – инициатор исследовательских проектов «Э. Гуссерль в Галле: рождение феноменологического проекта» (2010 – 2012), «Поздние этапы развития феноменологии Эдмунда Гуссерля (10-е – 30-е годы XX в.)» (2006 – 2008), «Феноменология Э. Гуссерля – раннего, среднего и позднего периодов» (1998 – 2000), «Переключка философских идей России и Запада» (1997 – 1998). Под ее редакцией вышли коллективные монографии: «“Феноменология духа” Гегеля в контексте современного гегелеведения» (2010), «Мераб Константинович Мамардашвили: Философия России второй половины XX века» (2009), «Kant in Spiegel der russischen Kantforschung heute» (совместно с Нобертом Хинске) (2008), «Иммануил Кант: наследие и проект» (совместно с В.С. Степиным) (2007); «Zum Freiheitsverständnis des Kantischen und nachkantischen Idealismus. Neuere Arbeiten russischer Autoren» (2007), «Фридрих Ницше и философия в России» (совместно с Ю.В.Синеокой) (1999), «Бессмертие философских идей Декарта» (1997), «Философия Мартина Хайдеггера и современность» (1991).

В 2005 г. Н.В. Мотрошилова была награждена орденом Федеративной Республики Германия «Bundesverdienstkreuz am Band» за вклад в развитие и популяризацию немецкой культуры, а в 2009 г. медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии». Нелли

Васильевна лауреат Премии Фонда Александра фон Гумбольдта (1994) и Премии имени Г.В. Плеханова за выдающиеся научные работы по философии (2000). Н.В. Мотрошилова является главным редактором «Историко-философского ежегодника», членом редколлегии журналов «Вопросы философии», «Философские науки», «Философский журнал», «История философии», ряда международных редколлегий: «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», «Studia Spinozana», «Hegel Bulletin», «Arche: Journal of Philosophy», «Prolegomena: Journal of Philosophy» и др.

На раннем этапе (1960-е — 1980-е гг.) творчество Н.В. Мотрошиловой было сосредоточено не только на историко-философской проблематике, но и на социологии науки и science policy: «*Наука и ученые в условиях современного капитализма*» (1976), «*Истина и социально-исторический процесс познания*» (1977). В центре внимания молодой исследовательницы в эти годы оказывается история философии XVII — XVIII вв. «*Познание и общество*» (1969).

Главными философскими героями Нелли Васильевны с юности остаются Кант, Гегель и Гуссерль. Первой монографией о Гуссерле, изданной в советской России, стала книга Нелли Васильевны «*Принципы и противоречия феноменологической философии*» (1968). В своем раннем исследовании феноменологии Н.В. Мотрошилова делает акцент на концепции «чистого сознания» Гуссерля как философской модели, содержащей объединяющую конструкцию существенных черт сознания и предлагающей методы их и раздельного и единого анализа. Сознание рассматривается автором как бесконечный поток, разделенный на целостные части (феномены) и направленный на предмет (интенциональный), содержащий как пересечения предметных аспектов (ноэматических), так и «смыслодающие» функции, «чистые сущности» как «чистые возможности», приобретающий «временные» и «бытийственные» (онтологические) измерения, конституирующий такие целостности, как «мир», «природа», «бытие», «субъект», «чистое Я», «интерсубъективность».

В первых кантоведческих публикациях Мотрошиловой речь идет о теории познания, философии права и учении о свободе Иммануила Канта. Гегелеведческие интересы Нелли Васильевны, книга «*Путь Гегеля к “Науке логики”*» (1984), в частности, сосредоточены на проблеме системности. Н.В. Мотрошилова занимается системой категорий «Науки логики». Одновременно она разрабатывает ключевые проблемы социальной философии Гегеля: философию права, свободы, гражданского общества. Особый блок исследований Н.В. Мотрошиловой — специфика гегелевской феноменологии.

Детальный анализ феноменологии Н.В. Мотрошилова продолжила на следующем, зрелом этапе своего творчества (1990 — 2000-е гг.). Его подробно исследован второй том «Логических исследований» Гуссерля

(большая статья на эту тему опубликована в США). В книге «*“Идеи Г” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию*» (2003) Мотрошиловой осуществлено первое в отечественной литературе систематическое исследование трансцендентальной феноменологии.

Нелли Васильевна продолжила изучение истории европейской философии в широком социально-культурном контексте: «*Социально-исторические корни немецкой классической философии*» (1990), «*Рождение и развитие философских идей*» (1991). Н.В. Мотрошилова участвует в полемике о будущем философских наук и действительно отстаивает идею о ведущем месте истории философии как философской дисциплины в XXI столетии.

В центре внимания Нелли Васильевны со второй половины 1990-х гг. оказывается история русской философии конца XIX – XX вв., прежде всего творчество Владимира Соловьева, Николая Бердяева, Семена Франка, Льва Шестова, а также отечественная философия права (Иван Ильин, Павел Новгородцев) и феноменология (Густав Шпет, Борис Яковенко). Мотрошилова – принципиальный противник рассмотрения отечественной философии как самодостаточного, особого, иного по отношению к всемирной философской традиции, феномена. Для Нелли Васильевны интересна перекличка философских идей России и Запада. Ею выдвинута концепция, согласно которой новые парадигмы европейского и российского философствования XX в. были тесно связаны с как с идеями западной философии в лице Фридриха Ницше, так и с исканиями российских религиозных мыслителей, прежде всего Владимира Соловьева: «*Мыслители России и философия Запада*» (2006).

Н.В. Мотрошилова создает серию «философских портретов» представителей новых течений европейской (Юрген Хабермас, Витторио Хесле и др.) и отечественной (Мираб Мамардашвили) философии. Анализируя работы Мамардашвили, посвященные Декарту, Канту, Прусту, Гуссерлю, Нелли Васильевна интерпретирует его философию как опыт оригинальной феноменологии, в центре которой такие понятия, как «воспоминания», «любовь» и «смерть»: «*Мераб Мамардашвили. Философские размышления и личностный опыт*» (2007).

От исследования социально-исторической обусловленности познания, становления науки и культуры в контексте развития общества Н.В. Мотрошилова переходит к разработке концепции мировой цивилизации, анализирует понятия «цивилизация» и «варварство», «эпоха» и «историческая ситуация», а также осмысляет роль «официального» и «неофициального» философских сообществ в становлении философии. Нелли Васильевна изучает механизмы, благодаря которым цивилизация выполняет свои главные функции – сохранение, преемственность, развитие человеческого рода, выявляет коренные

противоречия цивилизации, в том числе и порождающие мощные выбросы варварства в ее истории.

В своих публикациях начала XXI в. Н.В. Мотрошилова уделяет особое внимание исследованию современного цивилизационного отставания России в контексте общемировых кризисных явлений, порожденных современной цивилизацией: *«Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов»* (2010). В центре цивилизационных исследований Нелли Васильевны — наиболее острые глобальные угрозы современному миру: экологические катастрофы, бюрократия и коррупция, «уродливое» реформирование науки в нашей стране, опасность изоляционизма для развития философии и культуры в целом.

В ряде недавних статей Мотрошилова проводит социально-философский анализ понятий «гражданское общество» и «общественный договор», занимается разработкой современной концепции гражданского общества.

Одновременно Нелли Васильевна не оставляет масштабное исследование отечественной философии рубежа XIX — XX — начала XXI столетий. В рамках этого проекта ею опубликована монография *«Отечественная философия 50 — 80-х годов XX века и западная мысль»* (2012), в которой подвергаются критике предрассудки и стереотипы, содержащиеся в современных оценках отечественной философии советского периода. В центре внимания автора антиномия между господствовавшей в советские годы официальной идеологией (догматизированного марксизма-ленинизма) и становлением новаторской исследовательской мысли, оформлявшейся в различных областях отечественной философии как под влиянием философов, принадлежавших к неофициальному сообществу, так и тенденций мировой, в частности, западной философии. Мотрошилова анализирует феномен интеллектуального поколения «шестидесятничества» в России, отличительной чертой которого является тенденция к интернационализации философского знания.

Одновременно Нелли Васильевна продолжает изучение современной европейской мысли. В минувшем году ею опубликована уже ставшая отечественным бестселлером монография *«Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: Бытие, Время, Любовь»* (2013) об истории взаимоотношений двух выдающихся мыслителей XX столетия, представленной в широком, детально выписанном культурном контексте. Это рассказ о XX в. через историю любви, сочетающий анализ идей Хайдеггера и Арент, изучение личностных и социально-исторических измерений их творчества.

В новогодние праздники 2014 г. мне удалось побеседовать с Нелли Васильевной. Наш разговор начался с моего вопроса о книге *«Мартин Хайдеггер и Ханна Арент: Бытие, Время, Любовь»*.

Нелли Васильевна, что такое Любовь?

• Я не люблю давать определения... Если же говорить о книге, признаться, я не ожидала, что такой теплый прием и такое внимание выпадет на долю этого издания. Конечно, я очень хотела, чтобы читатели почувствовали, что я писала эту книгу не только головой, но и сердцем, и душой. И я совершенно не случайно включила в название книги вместе с центральными словами «Бытие» и «Время» еще и слово «Любовь». Прежде всего, это относилось к моему представлению о роли любви друг к другу в жизни Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт. Я постаралась очень подробно и предметно рассказать о тех нитях, которые любовь вплела в их жизненное дело и в их отношения. Если это удалось, я этому очень рада.

Нелишне будет добавить, что фактически я посвятила эту книгу хорошо известным мне философским парам, ибо я много лет наблюдала подобные линии связи в случае таких пар, как Гайденко — Давыдов, Фролова — Соловьев, Федотова — Уткин и многих других. Я потому и не написала конкретные имена, что убедилась: таких пар очень много. И была очень рада узнать, что они поняли мое посвящение в широком смысле слова.

И, наконец, последнее. Самое главное и самое убедительное основание этой книги — тот факт, что судьба подарила мне счастливую, хотя поначалу и трудную любовь к моему незабвенному мужу Юрию Замошкину. В нашей любви общие философские, социологические, литературные, в том числе поэтические, и другие интеллектуальные интересы были смысловым содержанием наших отношений и нашей совместной истории, которая длилась около тридцати лет.

Нелли Васильевна, почему Вы выбрали своей профессией философию?

• На философский факультет я пришла совершенно случайно, когда узнала, что туда собирается поступать один мальчик, с которым тогда дружила. Между прочим, этот мальчик некоторое время назад имел свое имя в философии... Поступила на факультет я легко, потому что окончила хорошую московскую школу с золотой медалью. Но когда пришла на факультет, подготовленная учителями, оставшимися еще от дореволюционных времен, то меня повергли в ужас некоторые профессора и преподаватели — не только своей безграмотностью, но и какой-то непостижимой дремучестью. На первых двух курсах я еще сомневалась, правильно ли я выбрала философию. Но постепенно сомнения рассеивались.

На третьем курсе у нас преподавали Э.В. Ильенков и М.Ф. Овсянников, потом появились Т.И. Ойзерман, Ю.К. Мельвиль... В.Ф. Асмус у нас не преподавал, но я догадалась ходить на его лекции к пятикурсникам. А главное — и об этом я много писала — на философском факультете тогда учились студенты и аспиранты, чьи имена у всех на слуху: Мераб Мамардашвили, Александр Зиновьев, Георгий Ще-

дровицкий, Николай Лапин, Лев Митрохин, Владислав Лекторский, не говоря уже о моих однокурсниках — Генрихе Батищеве, Вадиме Садовском, Вадиме Межуеве, Инне Балакиной, Марии Козловой и многих других.

Возникла замечательная студенческо-аспирантская среда. Жизнь была содержательной, интересной. Погружение в философию было глубоким. И все это соединялось с энергией молодости, с ожиданиями лучшего... и все это помогало пережить то, что было связано с усилением, к счастью недолгим, культа личности.

Были ли в Вашей профессиональной жизни кризисы, моменты, когда Вы хотели уйти из философии?

• Когда в 1974 г. из-за полной ненадобности в ЦК и других местах в Институт философии назначили и сделали директором Б.С. Украинцева, тесно связанного с оживившимися сталинистами, например, в Московском Комитете КПСС, то обстановка в Институте философии сильно ухудшилась, а для некоторых людей сделалась невыносимой (так, ушел из жизни Эвальд Ильенков). И тогда я тоже подумывала о том, чтобы уйти из Института, но конечно не из философии. Слава богу, я этого не сделала. Ибо Институт философии РАН всегда был моим вторым, профессиональным домом.

Я пришла в наш институт в 25-летнем возрасте, сделала в философии свои первые самостоятельные шаги, которые вряд ли были бы возможны без поддержки — профессиональной, человеческой, гражданской — институтского, всегда очень крепкого профессионального сообщества.

Расскажите, пожалуйста, о тех событиях и людях, которые определили Ваш профессиональный путь.

• Счастливым случай состоял в том, что я выбрала темой своей дипломной работы феноменологию Эдмунда Гуссерля. В 1956 г. это было подобно чуду, потому что имя Гуссерля не было известно большинству отечественных философов, а работа, которую я выбрала как тему своего дипломного исследования — второй том «Логических исследований» Гуссерля — не была переведена на русский язык.

Я пришла к В.Ф. Асмусу и попросила его быть моим научным руководителем. Он несколько минут молчал. Я испугалась, потому что подумала, что он сейчас прогонит меня с этой темой. Но он вдруг сказал, что уже немало лет мечтал, чтобы кто-то из студентов пришел к нему с такой просьбой. Впоследствии В.Ф. Асмус порекомендовал меня в аспирантуру, но тут как раз вышло постановление о том, что в аспирантуру будут принимать только людей со стажем работы. В.Ф. Асмус был также моим оппонентом по докторской диссертации. На всю жизнь я сохранила благодарную память о своем учителе, его превосходных лекциях. Храню его отзыв на мою докторскую диссертацию, написанный от руки на 28 страницах бумаги в клеточку...

Среди философов-друзей наибольшее, пожалуй, влияние на меня оказал Мераб Мамардашвили. Причем под влиянием я имею в виду не только его идеи, мысли, но и масштаб его личности. Мераб — внутренний свободный и необыкновенно талантливый человек, *Selbstdenker*, как говорят немцы. Он был многолетним другом моей семьи, моего мужа Юрия Замошкина. До отъезда Мераба в Тбилиси мы регулярно встречались и в нашем доме, и в домах наших друзей Бориса Грушина и его жены Наташи, Эрика Соловьева и Евгении Фроловой (в чьих домах мы познакомились с интереснейшими друзьями наших друзей). О Мерабе Мамардашвили мною было впоследствии много написано. И это был небольшой памятник нашей дружбе и его вкладу в отечественную мысль. Но, нужно сказать, что перечислить коллег, которые смолоду и до сегодняшнего дня оказывали и продолжают оказывать на меня глубочайшее влияние, совершенно невозможно, это будут десятки, десятки и десятки имен коллег, известных всей стране.

А с кем из зарубежных философов Вас свела работа?

• Моя первая поездка за границу состоялась в 1964 г. Сохранилась дорогая моему сердцу фотография: на ней Э.В. Ильенков, А.В. Гулыга, Елена Осипова и я. Это была поездка на Гегелевский конгресс в Зальцбург. Рассказывать о всей противоречивости этих первых поездок, где академики образца 1937 г. возглавляли нашу делегацию и не ведали о том, что происходило на конгрессе, ибо там не было переводов, невозможно: история грустнейшая и по-своему мучительная. Но какое счастье было перемещаться по Австрии в компании Эвальда Ильенкова, Арсения Гулыги, Владислава Келле, Павла Копнина. Поэтому память об этой поездке была светлой. Еще эта поездка запомнилась мне потому, что я в первый раз вживую увидела легендарных философов Запада, например, Жана Ипполита и др.

До 1974 г. я время от времени участвовала в конференциях и конгрессах за рубежом. Но, пожалуй, самое большое значение для моей работы в тесном сотрудничестве с западными философами имел Гегелевский конгресс, состоявшийся в Москве в 1974 г. Я подробно рассказала об этом конгрессе в своей книге об отечественной философии, опубликованной 2012 г. Это было начало дружбы и сотрудничества с выдающимися философами-гегелеведами и кантоведами, словом, со специалистами по немецкой классической философии из *Hegel-Vereinigung* — лучшего из профессиональных объединений историков немецкой философии. Это — Д. Хенрих, К. Дюзинг, М. Баум, П. Хорстман и многие другие. Наше сотрудничество запечатлено в целом ряде совместных работ, опубликованных как в нашей стране, так и за рубежом. Например, по инициативе *Hegel-Vereinigung* я опубликовала книгу, объединившую работы одиннадцати отечественных мыслителей — таких как С. Аверинцев, П. Гайденко, Э. Соловьев, А. Доброхотов, А. Лебедев, М. Козлова и др. Наш сборник был опу-

бликован в Suhrkamp Verlag — одном из лучших издательств в Германии. Впоследствии под моей редакцией вышли еще две книги в этом издательстве. Были еще и коллективные труды, которые издавались параллельно и на русском, и на немецком языках. Я считаю, что это было признание со стороны известнейших исследователей немецкой философии из разных стран того факта, что философы нашей страны могут на равных с ними участвовать в совместной работе.

В 2014 г. исполнится 20 лет совместному русско-немецкому проекту двуязычного издания сочинений Канта. Рождение этого проекта тоже представляет интерес. Мне довелось встретиться в Австрии в Каринтии на симпозиуме, посвященном «Критике способности суждения» Канта, с марбургским профессором Буркхардом Тушлингом. Мне сразу понравился этот блестящий философ, энергичный, инициативный человек. Во время одного из своих московских путешествий Тушлинг, в доме Т.Б. Длугач, высказал идею о необходимости осуществить двуязычное издание основных сочинений Иммануила Канта. Потом он сам признавался, что в реальность осуществления такого замысла он не очень-то верил. Но мы загорелись этой идеей и сделали все, чтобы воплотить столь заманчивую идею в жизнь. Так началась наша совместная работа, которая продолжается до сих пор. К настоящему времени опубликовано пять томов в шести книгах. В мире есть двуязычные издания сочинений Канта, но наше издание не имеет precedентов. Во-первых, по своей полноте, во-вторых, по фундаментальности всей работы, связанной с сочинениями Канта (вступительные статьи, комментарии к переводам, обширнейший справочный аппарат и т.п.). К сожалению, в 2012 г. умер мой немецкий Mitherausgeber Буркхард Тушлинг — инициатор и душа всего издания, более ответственный и деятельный, чем некоторые его коллеги, гораздо более здоровые и молодые. Последний 5-й (I) том, содержащий первую часть «Метафизики нравов», вышел с нашей статьей в память профессора Буркхарда Тушлинга.

К числу самых значимых из знакомств, из последующих контактов с западными философами, принадлежит общение с Юргеном Хабермасом. Познакомились мы на Философском конгрессе в Брайтоне, куда я поехала уже в постперестроечные годы. В один из дней ожидали приезда Хабермаса, но он все не появлялся, и вот, когда все ушли на обед, а я еще оставалась в холле, появился Хабермас. Он оглядывался по сторонам, не зная куда идти и к кому обратиться. Я подошла к нему, представилась. Хабермас спросил, не пойду ли я с ним пообедать, я с радостью согласилась. Так мы познакомились и с того времени подружились. На брайтоновском конгрессе главой делегации был академик И.Т. Фролов, в то время — помощник Горбачева. Он пригласил Хабермас с лекциями в Москву и попросил меня помогать чете Хабермас во время их визита. Хабермас прочитал в Москве, в Институте философии цикл лекций, которые потом вышли в моем

переводе и с моей вступительной статьей. С тех пор я регулярно пишу о новых работах Хабермас, благодаря чему составила среди моих публикаций своего рода «хабермасиана». Этой работе очень помогают дружеские отношения с четой Хабермас, которые приглашали меня в свои дома во Франкфурте и в Штарнберге. Хабермас регулярно присылает мне свои новые сочинения. Недавно я попросила его прислать мне его новейшие статьи и выступления по теме кризиса Евросоюза, на основе которых построена моя последняя статья о Хабермас в десятом номере «Вопросов философии» за 2013 г.

В ряде зарубежных философов, с которыми меня свела счастливая судьба, я могла бы назвать десятки имен выдающихся мыслителей XX – XXI вв. Например, замечательный немецкий философ Витторио Хесле, ныне работающий в США. Он приезжал с лекциями в наш Институт. Сначала читал их по-немецки, а к середине своего курса – уже по-русски. Хесле – один из немногих исследователей, который не только на словах, но и письменно, высоко оценивал качество российской философской мысли. Или Поль Рикер, классик философии XX в. О нем очень много написано также и в связи с его сотрудничеством со специалистами Института философии.

Не могу не сказать самых теплых слов о Норберте Хинске, живом классике современного кантоведения, философе из Трира. Он приезжал в Москву, в Институт философии на Кантовский конгресс 2004 г. К моей радости он сказал, уже после конгресса, а в нем участвовали и другие не менее известные авторы, что все-таки самые лучшие доклады были сделаны российскими кантоведами. И это не была пустая похвала: он предложил мне вместе с ним подготовить для публикации на немецком языке книгу со статьями российских кантоведов для публикации в солидном немецком издательстве Froman-Holzbog. Эту книгу мы готовили вместе пару месяцев, и в 2008 г. она вышла в упомянутом издательстве. Кроме того, мы выпустили в русском переводе книгу Норберта Хинске о логике Канта. В приложении к этой книге опубликован мой перевод удивительно остроумных, ярких афоризмов Хинске.

Нелли Васильевна, что для Вас означает быть профессиональным философом?

• Это трудный вопрос... Ответ зависит от того, в какой области философии человек работает. Для меня профессионализм в сфере истории философии предполагает несколько предпосылок, которые я считаю необходимыми. Возможно, эти предпосылки и недостаточны, но они фундаментальны.

Во-первых, это чтение и освоение философских текстов, которыми ты занимаешься, о которых пишешь, на языке оригинала. Это требование должно быть дополнено еще одним важным фактором – овладением специфическими особенностями языка именно того

философа, наследие которого вы изучаете. Важно понимание того, как он писал. Необходимо работать с оригиналами его сочинений. Это предполагает все то, что входит в понятие освоения, понимания, умения перевести на свой язык категории, понятия, определения и формулы, которые суть основания учения философа, вами исследуемого. Приведу один пример. В собрании сочинений Иммануила Канта, изданном в советское время, был неправильно переведен категорический императив. И этого никто не заметил! При переводе было выпущено слово *Jederzeit* — «всегда, в любой момент времени». Имелось в виду, что максима воли должна служить основой всеобщего законодательства *Jederzeit*, т.е. всегда, во всякое время. Выпустить *Jederzeit* было особенно удобно в советское время, когда морально-нравственные принципы были объявлены соразмерными определенной эпохе, классовым интересам и т.д...

Второй момент — это владение языком. При написании историко-философской работы, при чтении лекции о философской проблеме или философах, избранных для исследования, совершенно необходимо опираться, в том числе и в критических целях, на предшествующую и на современную литературу вопроса. Это можно делать с разной степенью охвата материала, но какая-то степень знания новейшей литературы и соответственно откликов на нее в высокопрофессиональной работе совершенно необходима, по моему мнению.

Следующее условие, с моей точки зрения весьма желательное, это способность и желание предложить своей взгляд на соответствующую проблематику, на наиболее характерные толкования творчества того или иного философа или доктрины.

Далее. Я очень люблю такие работы, в которых самые трудные философские учения прошлого изложены ярко, увлекательно, на языке, понятном читателям, а не на «птичьем языке», понятном только профессионалам, да и то не всем.

Разумеется, мое представление о профессионализме не замыкается только на историко-философской области. Например, мне близки и интересны работы по социальной философии. Я сама пыталась предложить исследования в этой области (например, по социологии познания, социологии науки, проблемам и концепциям цивилизации и т.п.).

Очевидно, что специалисты в других дисциплинах, скажем, в логике или философии науки, могут сформулировать несколько иные требования к философскому профессионализму. Но и в истории философии применительно к философам, которые, подобно Эдмунду Гуссерлю, выросли из естественных и точных наук и создали концепции, тесно связанные с этими науками, профессиональная работа над ними предполагает дополнительные измерения. Блестящим примером ответа на требования такого рода я считаю работы выдающегося отечественного философа Пиамы Гайденко.

Нелли Васильевна, Вы написали целый ряд больших монографий. Как Вы работали над этими книгами? Каких читателей Вы ожидали?

• Для меня почти каждая из книг, особенно написанных в последние десятилетия, — результат и довольно длительных, иногда на всю жизнь протянувшихся исследований, и разработок нескольких лет, непосредственно предшествующих ее выходу в свет. На новом этапе нужно было обобщить не только свои более поздние усилия в отработке темы, но и наиболее свежую на тот период литературу вопроса. Возникла и дополнительная трудность: как включить анализ литературы в собственное изложение, не нарушая его внутреннюю теоретическую логику?

Остановлюсь для примера на книге «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию⁵. Можно сказать, что книга «создавалась» мною с ранних лет моей творческой жизни — начиная с дипломной работы о II томе «Логических исследований» Гуссерля, которую я писала под руководством В.Ф. Асмуса, и по начало XXI в., когда эта монография вышла в свет в замечательном издательстве И.А. Михайлова «Феноменология и герменевтика». Но время работы над книгой было совершенно новым. Правда, и в «промежуточный» (советский) период я — благодаря благодатной для меня встрече с Г.Л. Ван Бреда, хранителем Лувенского архива — получала вообще-то недоступные тогда в нашей стране тома «Гуссерлианы» и книги из серии «Phaenomenologica», которые постоянно и усердно изучала. И писала работы о феноменологии. Материала для монографии об «Идеях I» постепенно накопилось много (больше, чем я смогла использовать в весьма объемной книге — в 716 страниц!).

Я выбрала особый, композиционный принцип монографии. 1. Давала скрупулезный, последовательный текстологический анализ «Идей I», но с самого начала включенный в мою собственную теоретико-интерпретативную рамку. 2. Книга «Идеи I» была задумана Гуссерлем как введение в феноменологию, поэтому теоретическое повествование о ней не могло не быть обобщенным, но подробным анализом главных идей, методов, категорий, понятий феноменологии как таковой. По возможности я старалась прочертить линии, связывающие это сочинение 1913 г. с более ранними гуссерлианскими работами (особенно epochальными «Логическими исследованиями» 1900 — 1901 гг., и с учетом новой редакции 1913 г.), а также с последующими сочинениями Гуссерля. 3. Литература вопроса, особенно новейшая к началу XXI в., разбиралась в обширном разделе «Примечания»⁶ и была проблемно соотнесена с теми частями, понятиями, идеями Гуссерля, о которых шла речь в основном тексте. 4. Литература⁷ включала большой массив основных, на начало XXI в., трудов отечественных и зарубежных гуссерлеведов. 5. Совершенно особую

работу выполнили И.А. Михайлов, А.В. Саламатина, К.Н. Наумов (снова благодарю их), составившие (опираясь на текст) уникальный для нашего гуссерлеведения Предметный указатель⁸.

Все сказанное позволяет мне рассматривать эту книгу как сочетание историко-философской работы над плохо известными у нас текстами Гуссерля, целостной характеристики феноменологии, обобщения исследовательской работы мирового сообщества феноменологов (над «Идеями I», но не только над ними).

Сознаю, что моя книга — весьма трудное чтение, особенно в современное суетное время... Но, уверена, однако, что систематические, целостные историко-философские работы обязательно должны быть. И такие, неконъюнктурно обращенные и к специалистам, и к тем способным к неспешной работе серьезным коллегам разных поколений, которые хотели бы получить «Введение» для овладения одной из центральных поддисциплин мировой философии, которые (подобно феноменологии Гуссерля и его последователей) родились на рубеже XIX и XX вв. и уверенно «перебрались» в XXI столетие.

Моя последняя книга «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие — время — любовь» выполнена в совсем другом жанре, и о ней нужен особый разговор, который, кстати, уже начат и в рецензиях, и в обсуждениях. Так, в ноябре 2013 г. была интересная для меня встреча-презентация этой книги в Санкт-Петербургском университете, где меня обрадовали внимание и интерес коллег; особенно приятной и, признаюсь, неожиданной была реакция молодых, в том числе студентов и аспирантов. Что огорчило: мы обсуждали философские тонкости, а менеджеры от философии в это время уже заносили свои административные кувалды над самостоятельностью факультета философии и как раз над разными «специальными тонкостями», которые они считают «неэффективными» и излишними. А как раз им, этим философским, историко-философским тонкостям, и была посвящена моя жизнь в философии. Но даже в советское время идеологические, административные вихри до специальных тонкостей не добивались. Казалось: вмешаться в конкретное содержание научных методов и результатов извне никак нельзя. А как просто все оказалось: всего-то надо было «слить», «сократить», «убрать лишнего» специалистов, а с ними — факультеты, кафедры... Что же за «эпоха» ожидает новые поколения в науке и культуре?!

Как Вы оцениваете современное состояние философии в России?

• Что касается истории философии, то достижения в этой области обширны и разносторонни. Можно привести в качестве примера фундаментальные энциклопедические издания: Новую философскую энциклопедию в 4-х томах, где историко-философский раздел обширен и выполнен вполне качественно; Энциклопедический словарь по античной философии под редакцией М.А. Солоповой, Энциклопеди-

ческий словарь по буддийской философии под редакцией М.Т. Степанянц, Энциклопедический словарь по индийской философии под редакцией М.Т. Степанянц, энциклопедические издания по истории русской философии под редакцией М.А. Маслина.

За последнюю четверть века отдел истории философии Института философии РАН создал целую библиотеку учебной и научной литературы по всем ответвлениям нашей специальности.

Однако пробелы и упущения в этой работе были, что объяснимо трудностями времени, слабым финансированием и ограниченным количеством историков философии, работающих не только в Институте философии, но и в других учебных и исследовательских центрах страны.

В последнее время, что специально не нужно доказывать, количество молодых ученых, связывающих свою судьбу с историей философии, неуклонно сокращается. Например, и это моя особая тревога, в последнее время в школах практически не преподают немецкий язык, так что тем, кто хочет заниматься немецкой философией, приходится его дополнительно изучать, чтобы поступить в аспирантуру с целью заниматься историей немецкой мысли.

Всей совокупностью сложных обстоятельств объясняется и то, что целые области историко-философских исследований оказались запущенными, например, история английской философии, где современные, выполненные на мировом уровне исследования исчисляются единицами. И это — несмотря на тот факт, что знание английского языка у молодежи лучше, чем в советское время. Значит, здесь есть и другие причины...

Вообще сложно давать глобальные оценки. Однако — несмотря на все недостатки и пробелы — есть некоторые черты в современном состоянии отечественной философии, которые говорят о том, что сегодня в нашей стране имеется заметное количество исследователей, вполне отвечающих мировому уровню развития философии и, в общем и целом, признанных в таком качестве. В этом смысле отечественная философия, взятая в лице ее наиболее продвинутых представителей и исследовательских центров, находится сейчас, как я думаю, в наилучшем состоянии за весь XX в.

Я вовсе не отрицаю все те критические оценки, которые относятся к массовому уровню преподавания философии и разработкам ее актуальных проблем, которые известны мне из отечественных и зарубежных публикаций. Вместе с тем я думаю, что чиновные нападки на университетскую и академическую философию не имеют ничего общего с объективной оценкой ее качества и признанности в современном мировом философском сообществе.

**Ключевые сочинения Н.В. Мотрошиловой с 2000 г.
(кроме монографий, указанных в тексте статьи)**

Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011 – 2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 22 – 38;

Удивительная актуальность идей Руссо о «le contrat social» // Историко-философский ежегодник'2012. – М.: Канон+, 2013. С. 191 – 224;

Реальные факторы научно-исследовательского труда и измерения цитирования // Управление большими системами / сб. трудов. Спец. выпуск 44: Наукометрия и экспертиза в управлении наукой / под ред. Д.А. Новикова, А.И. Орлова, П.Ю. Чеботарева. – М.: ИПУ РАН, 2013. С. 434 – 455;

Цивилизационный подход к модернизации современного Китая // Цивилизация и модернизация / Материалы российско-китайской конференции 29 – 31 мая 2012 г. – М.: ИФ РАН, 2013. С. 28 – 31;

Эдмунд Гуссерль о «чистой геометрии»: новый тип исторического понимания науки // Ежегодник феноменологической философии. III. – М.: РГГУ, 2013.

Г. Кантор и Э. Гуссерль: взаимодействие идей // Horizon. Феноменологические исследования. 2013. № 2 (1). С. 7 – 27;

Германия: путевые заметки // Философские науки. 2013. № 1. С. 71 – 81;

Культура и цивилизация в фокусе системной философии науки // Вестник Российской Академии наук. 2013. Т. 83. № 2. С. 177;

Kants «Metaphysik der Sitten» im Kontext der russischen Kant-Rezeption und Übersetzungen // Kants «Metaphysik der Sitten» in der Diskussion. Philosophische Schriften. – Berlin, Band 79. 2013. S. 11 – 19;

Система РИНЦ применительно к философским наукам // Высшее образование в России. 2012. № 3;

Социокультурный контекст 50–80-х гг. XX в. и феномен Мамардашвили // Мераб Мамардашвили: «Быть философом – это судьба». – М.: Прогресс-Традиция, 2011;

Символика трех «К» (Картезий, Кант, Кафка) в философии Мераба Мамардашвили // Мераб Мамардашвили: «Быть философом – это судьба»;

Характер и масштабы нарушения цивилизационных норм в современной России (заметки и впечатления) // Вестник аналитики. 2011. № 2 (44);

С. Франк и Н. Бердяев о «новом варварстве» // Культура и форма: сборник научных трудов к 60-летию А.Л. Доброхотова / под ред. И.А. Болдырева. – М.: ГУ – ВШЭ, 2010;

Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии / В диалоге участвуют Н.В. Мотрошилова и В.С. Репин // Вопросы философии. 2010. № 11;

Нравственно-моральное измерение экзистенциального опыта и проблема смерти в художественном творчестве Льва Толстого // Философия и этика: Сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. – М.: Альфа-М, 2009;

О диалоге Мераба Мамардашвили с Жаном-Полем Сартром // Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: РОССПЭН, 2009;

О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6; «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник'2007. – М.: Наука, 2008;

Глобализация и критическое обновление ценностей разума, просвещения и общественного договора // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В.С. Степин. – М.: Наука, 2007;

Эдмунд Гуссерль: на пути к концепции «жизненного мира» (20-е годы XX века) // Философские науки. 2007. № 1;

Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 7, 9;

Судьба поколения и личность ученого // Замошкин Юрий Александрович (1927–1993) (Сборник воспоминаний). 2-е изд. – М.: МГИМО-Университет, 2007;

Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин. – М.: Наука, 2005;

Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. 2004. № 11, 12;

И снова о варварстве как оборотной стороне цивилизации – применительно к России // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина. – М.: Канон+, 2004;

Николай Бердяев: философия жизни как философия духа и западная мысль XX в. // Историко-философский ежегодник'2001. – М.: Наука, 2003;

Учение Э. Гуссерля о вещи, восприятии и пространстве (по лекциям «О вещи и пространстве» 1907 года) // Историко-философский ежегодник'1998. – М.: Наука, 2000;

Интенциональность в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2000. № 4; On Merab Mamardashvili's Dialogue with Jean-Paul Sartre // Russian Studies in Philosophy. 2010. Vol. 49. No. 1;

Phänomen, Erscheinung, Gestalt – terminologische und inhaltliche Probleme von Hegels Phänomenologie des Geistes in ihrem Bezug zur Philosophie Kants // Phänomen und Analyse. Grundbegriffe der Philosophie des 20. Jahrhunderts in Erinnerung an Hegels «Phänomenologie des Geistes» (1807). – Würzburg: Koenigshausen&Neumann, 2008.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Н.В. Мотрошилова – редактор-издатель и автор большей части глав четырехтомного учебника «История философии: Запад – Россия – Восток»: учеб. пособие для студентов вузов. В 4 кн. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1995 – 1999; 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2012.

² Следует особо выделить уникальное двуязычное академическое издание работ Канта: Иммануил Кант. Сочинения на немецком и русском языках / Immanuel Kant. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. – М.: Kami; Наука; Канон+РООИ Реабилитация, 1994 – 2014.

³ Гусейнов А.А. Н.В. Мотрошилова и философы-шестидесятники // Мотрошилова Н.В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. – М.: Феноменология – герменевтика, 2005. С. 11.

⁴ Ван дер Цверде Э. Ideas at Work // Сущность и слово: сб. научн. ст. к юбилею профессора Н.В. Мотрошиловой. – М.: Феноменология – герменевтика, 2009. С. 61.

⁵ Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. – М.: Феноменология – герменевтика, 2003.

⁶ Там же. С. 601 – 639.

⁷ Там же. С. 641 – 677.

⁸ Там же. С. 685 – 716.